

Александра Кранц

ОБРЯД

18+

Александра Кранц

Обряд

«Автор»

2026

Кранц А.

Обряд / А. Кранц — «Автор», 2026

В доме на краю деревни часы всегда спешат. Мать винит старые стены, отец — само время. Дочь знает другое: в этом доме всё давно идёт не так. Когда её отказ молиться принимают за знак одержимости, родители зовут бывшего священника. Обряды начинаются со святой воды и молитв, но с каждым разом становятся жесточе. Девушку лишают школы, друзей и права самой говорить о том, что с ней происходит. Её страх объявляют доказательством, а сопротивление — подтверждением чужой веры.

© Кранц А., 2026

© Автор, 2026

Александра Кранц

Обряд

Глава первая

Ты слышишь этот звук?

Тик. Тик. Тик.

Это часы в коридоре. Они всегда спешили — то на семь минут, то на десять. Мать говорила, что дело в старом доме. Отец отвечал, что время всё равно идёт и спорить с ним бессмысленно.

Я думаю, часы спешат потому, что им не терпится добраться до того дня, когда он вернётся.

Я сижу на кухне. Напротив меня — мать. Она не двигается. Уже два дня. Отец лежит у двери, на полу, и его ботинок зацепился за край коврика. Каждый раз, когда я поднимаю глаза, я это замечаю.

Я их не убираю.

Не могу. Или не хочу.

Пусть останутся здесь, пока я вспоминаю.

За окном темно. Ранней весной в нашей деревне темнело рано: сначала пропадали дальние крыши, потом дорога, потом огороды за домами. Наконец стекло превращалось в чёрное зеркало. В нём отражается кухня — стол, лампа, я сама. Если смотреть недолго, можно представить, что всё как прежде: мать просто задремала, отец уронил перчатки, а я вернулась домой после школы.

Но я давно не хожу в школу.

Свет под потолком тихо потрескивает. В печи оседает зола. Дом шумит, как всегда шумел: доски скрипят, ветер ищет щели, где-то наверху потрескивает дерево. Мать говорила, старые дома живут своей жизнью.

Раньше я думала, что у каждого звука есть простое объяснение.

Ты, наверное, хочешь спросить, что произошло. Может быть, уже решил, что я сумасшедшая. Я и сама не всегда знаю, что думать. Но сначала выслушай меня. Я расскажу, как всё началось.

Не обещаю, что получится по порядку. Некоторые дни слились в один, а некоторые я помню до мелочей: свет на обоях, холодные пальцы матери на моих запястьях, шорох снега за окном. Иногда память останавливается посреди фразы, будто кто-то вырезал из неё несколько слов. Я знаю, что они были. Просто не могу их вернуть.

Я помню первый день.

Он вошёл в дом, стряхнул снег с плеч и поставил у порога чёрную сумку. Мать встретила его так, словно ждала давно. Отец стоял в коридоре, опустив голову. Его губы шевелились — он молился, но старался делать это тихо.

А мать взяла меня за руки и сказала:

— Это для твоего же блага.

Она произнесла это спокойно. Почти нежно. Будто не со мной говорила, а убеждала саму себя.

Он посмотрел на меня и улыбнулся. Ласково, почти по-доброму. Так улыбаются детям, которым собираются причинить боль, но хотят, чтобы те не боялись заранее.

Я тогда ещё не знала, что он будет приходить снова.

Не знала, что вскоре мои слова станут доказательствами, молчание — тоже доказательством, а попытка вырваться лишь убедит их, что они правы. Не знала, что в нашем доме страх можно будет назвать верой, а жестокость — помощью.

Я только понимала, что мне не нравится его улыбка.

И что мать держит мои руки всё крепче.

В деревне его уважали. Когда-то он служил при церкви, но это лишь с его слов, теперь жил один на другом конце улицы. Соседи говорили, что у него тяжёлый характер, но доброе сердце. Говорили, что он умеет помогать тем, кому больше никто не поможет. Мать слушала и кивала. Отец называл его человеком веры.

Я не знаю, каким он был для остальных.

Для меня он был человеком, которому открывали дверь.

А мне не верили, когда я просила её закрыть.

Тик. Тик. Тик.

Я смотрю на часы. Стрелки показывают без четверти девять. Наверное, сейчас другое время. Они всегда спешили.

На столе стоит холодная чашка. Я не помню, когда налила чай. Не помню, пыталась ли его пить. Зато помню, как мать впервые сжала мои руки так, что ногти впились в кожу. Помню, как отец молился в коридоре. Помню, как тот человек снял пальто и аккуратно повесил его на крючок.

Мне казалось важным запомнить всё. Если я не забуду, значит, они не смогут потом объяснить мне, что ничего не было.

Я до сих пор стараюсь помнить.

Возможно, когда-нибудь я пойму, где именно всё пошло не так. Или хотя бы сумею назвать вещи своими именами.

А пока часы отсчитывают минуты. Мать сидит напротив. Отец лежит у двери. А я начинаю рассказывать с того дня, когда он впервые переступил наш порог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.